

DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-238-259

УДК 811.111 + 930.2

ОБРАЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСЛАМА В РОМАНАХ ЦИКЛА «ДЮНА»: ВООБРАЖЕНИЕ И ИЗОБРЕТЕНИЕ ДЖИХАДА КАК ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТЕСТА

М.В. Курчанов

Обоснование. Автор анализирует тексты цикла «Дюна» в контекстах современной историографии, которая предложила универсальные методы, позволяющие анализировать «ориентальные» образы в литературе через призму конструирования и деконструкции нарратив, формирующих образ ислама.

Цель. Целью статьи является «ориенталистская» реинтерпретация исламских образов в романах, принадлежащих к циклу «Дюна», включая тексты оригинального цикла и приквелы, представленные «Дюна», «Мессия Дюны», «Дюна. Батлерианский джихад» и «Дюна. Пол».

Материалы и методы. Автор использует методологический инструментарий, предложенный интеллектуальной историей и исследованиями национализма, включая концепцию изобретения традиций, которая позволяет анализировать образы ислама в научной фантастике как одну из изобретенных традиций американской массовой литературы на примере текстов цикла «Дюна». Ориентализм как метод используется для анализа мусульманских мотивов в прозе Ф. Херберта, Б. Херберта и К. Андерсона, которые, как полагает автор, вдохновлены политическими, идеологическими и религиозными стимулами. Автор полагает, что ориенталистский подход является эффективной интерпретационной моделью для междисциплинарного анализа американской научной фантастики как пространства развития образов ислама.

Результаты. Показано, что в романах актуализируется и продвигается уникальный идеологический дискурс, связанный с политическим посланием, которое транслируется через призму образов

ислама. Проанализированы особенности и формы политического протеста под религиозными мусульманскими лозунгами. Изучено, как воспринимается мобилизационный потенциал политического ислама как формы легитимации социального и экономического протеста. Проанализировано расширенное понимание джихада как одновременно религиозной войны и социально-классового конфликта. Показано, что 1) актуализация мусульманских образов в американской научной фантастике стала следствием политической активизации Востока, 2) авторы изучаемых текстов актуализировали антиавторитарный и освободительный потенциал ислама.

Ключевые слова: Ф. Херберт; Б. Херберт; К. Андерсон; «Дюна»; ориентализм; ориентальные образы; ислам; сунниты; шииты; джихад

Для цитирования. Кирчанов М.В. Образы политического ислама в романах цикла «Дюна»: воображение и изобретение джихада как политического протеста // Современные исследования социальных проблем. 2023. Т. 15, № 1. С. 238-259. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-238-259

IMAGES OF POLITICAL ISLAM IN THE DUNE NOVELS: IMAGINATION AND INVENTION OF JIHAD AS A POLITICAL PROTEST

M.W. Kyrchanoff

Background. The author analyzes the texts of the Dune cycle in contexts of contemporary historiography, which proposed universal methods that allow analyzing “oriental” images in literature through the prism of constructing and deconstructing the narratives that form the image of Islam.

Purpose. The purpose of the article is an “orientalist” reinterpretation of Islamic images in the novels belonging to the Dune cycle, including the texts of the original cycle and prequels presented by Dune, Dune Messiah, Dune. Butlerian Jihad and Dune. Paul.

Materials and methods. The author uses the methodological tools offered in intellectual history and studies of nationalism, including the

concept of the invention of traditions, which allows us to analyze the images of Islam in science fiction as one of the invented traditions of American mass literature using the texts of the Dune cycle as sources corpus. Orientalism as a method is used to analyze Muslim motifs in the prose of F. Herbert, B. Herbert and K. Anderson, which, as the author believes, were inspired by political, ideological and religious stimuli. The author believes that the orientalist approach is an effective interpretative model for an interdisciplinary analysis of American science fiction as a space for the development of Islamic images.

Results. *It is shown that the novels through the prism of images of Islam actualize and promote a unique ideological discourse and political message. The features and forms of political protest under religious Muslim slogans are analyzed. It is studied how the mobilization potential of political Islam is perceived as a form of legitimization of social and economic protest. An expanded understanding of jihad as both a religious war and a social class conflict is analyzed. It is shown that 1) the actualization of Muslim images in American science fiction was the result of the political activation of the East, 2) the authors of the texts actualized the anti-authoritarian and emancipatory potential of Islam.*

Keywords: *Frank Herbert; Brian Herbert; Kevin Anderson; Dune; orientalism; oriental images; Islam; Sunnis; Shiites; jihad*

For citation. *Kyrchanoff M.W. Images of Political Islam in the Dune Novels: Imagination and Invention of Jihad as a Political Protest. Sovremennye issledovania socialnyh problem [Modern Studies of Social Issues], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 238-259. DOI: 10.12731/2077-1770-2023-15-1-238-259*

Введение

В начале 21 в. западное общество столкнулось с различными внешними вызовами, которые ставили под сомнение основы его идентичности, религиозной и культурной модели развития. Среди таких факторов особое место занял радикальный политический ислам. Европейские и американские элиты частично сами несут ответственность за обострение отношений между Западом и миром ислама. Этому содействует как наследие колониализма, так и непро-

думанная политика, основанная на стереотипах, унаследованных от колониализма, и формирующей соответствующий образ ислама, призванный обслуживать интересы политических элит.

Между тем ситуация, связанная с актуализацией и визуализацией образов ислама, в западном культурном и политическом дискурсе является более сложной. Число акторов, вовлечённых в генезис, развитие и воспроизводство соответствующих образов, велико. Если политики и связанные с ними представители интеллектуального сообщества производят образы ислама, интегрированные в механизм принятия политических решений и легитимации политики в отношении исламского мира, то спектр восприятий ислама и мусульман в культурном и интеллектуальном дискурсе представляется более гетерогенным. В этом контексте особый вклад в развитие восприятие ислама вносит массовая культура и такой ее сегмент, как научно-фантастическая литература.

История американской фантастики обеспечивает ее исследователей рядом примеров актуализации исламской проблематики в научно-фантастическом дискурсе. Спектр описаний ислама в этом культурном пространстве варьируется от воспроизводства и тиражирования алармистского дискурса до попыток осмысления и анализа политического и социального опыта мусульманской уммы. Среди условно «мусульманских» текстов американской фантастической прозы особое место принадлежит циклу романов «Дюна», созданных Ф. Гербертом и его литературными наследниками и продолжателями Б. Гербертом и К. Андерсоном. Попытки этих авторов предложить свой взгляд на ислам в целом соотносятся с интеллектуальной историей конструирования и воображения мусульманских образов в современной американской массовой культуре.

Ислам как часть ориенталистского дискурса в литературе

Значительную роль в формировании развития образов мусульманского Востока в XX в. играли не только политические элиты, но интеллектуальные сообщества. Известно, что в XX в. значительных успехов

достигло западное востоковедение, выросшее из более раннего ориенталистского дискурса, отягощенного политическими и идеологическими стереотипами. Кроме того, значительный вклад в развитие и формирование образа Востока в западном, американском и европейском культурном дискурсе внесли писатели. Восточная тема стала одной из самых популярных и востребованных в художественной литературе, не только опираясь на предшествующие традиции, но и реагируя на новые вызовы, лежавшие в сфере политики и идеологии.

Среди восточных образов в литературе особую роль играли мусульманские мотивы. Диапазон актуализации мусульманских или исламских образов в западном культурном дискурсе отличался значительной степенью разнообразия. С одной стороны, часть автора следовала традиционному реалистическому или модернистскому канону, стремясь отражать относительно реальные образы мусульманского Востока, его политической и религиозной действительности и специфики. С другой стороны, на протяжении XX в. значительных успехов в рамках западной литературы достигла научная фантастика, которая не менее активно включилась в процесс использования потенциала мусульманских образов, конструируя идеальные утопические миры, или используя исламские мотивы для формирования и продвижения образов Другого.

Цель и задачи

Романы цикла «Дюна» являются важными источниками по истории формирования и развития мусульманских образов в современном американском научно-фантастическом дискурсе второй половины 20 – начала 21 в. Целью данной статьи является осмысление и анализ мусульманских мотивов как элементов политического и идеологического дискурса в американской научной фантастике. В число задач автора входит 1) изучение особенностей отражения политического ислама в романах цикла «Дюна», 2) анализ основных направлений развития джихада как одной из форм функционирования политического ислама, 3) выяснение роли, которую романы рассматриваемого цикла играли в развитии образов политического

ислама в целом и исламского радикализма в частности в западном американо-европейском дискурсе конца XX – начала XXI в.

Методология

Методология статьи может быть определена как междисциплинарная. Автор ориентируется на приемы дискурсивно-нарративного анализа и интерпретации источников, ограниченных текстами цикла «Дюна», так как последние является важными источниками формирования и функционирования образов ислама в западной культурном и политическом воображении. Вместе с тем предполагается, что исламские мотивы следует интерпретировать как проявление позднего ориентализма в американской научной фантастике [12]. Трансплантируя основные положения западной междисциплинарной историографии в анализ социальных, политических и религиозных пространств и контекстов миров «Дюны», эти тексты могут интерпретироваться через призму социо-культурного конструктивизма, так как авторы изучаемых произведений стали конструкторами и создателями новых реальностей, наделенных ими политическими изобретенными традициями, в большей или меньшей степени имитирующими, симулирующими или воспроизводящими политические реалии ислама.

Источники

Источниковый корпус статьи ограничен четырьмя текстами, входящими как в оригинальный цикл «Дюна», написанный Ф. Гербертом, так и в серию приквелов Б. Герберт и К. Андерсона. В качестве источников, актуализирующих и визуализирующих образы ислама, интерпретируются романы Ф. Герберта «Дюна» [5; 16] и «Мессия Дюны» [6; 15], а также его наследников «Дюна. Батлерианский джихад» [3; 13] и «Дюна. Пол» [4; 14].

Политический ислам во вселенной «Дюны»

В силу того, что «ислам Ф. Герберта был великим, емким и часто противоречивым дискурсом» [18] в текстах, которые формируют цикл «Дюна», мусульманское сочетается с социальным. Ф. Герберт

и его наследники стремились подвергнуть ревизии принципы классического ориентализма, но фактически воспроизводили ориенталистические клише. Планета Дюна или Арракис, описываемая как периферия и чей образ редуцируется до «планеты монокультуры, только одной и ее урожаем обеспечивает правящему классу, существование, которое правящие классы вели всегда и всюду во все времена, оставляя крохи для прокорма человекообразной массы» [5, с. 416], наделяется качествами угнетенного и колонизируемого Востока, где правящие элиты не понимают, что «нельзя бесконечно красть, не учитывая потребности и тех, кто придет после тебя. Физические свойства планеты вписаны в ее экономические и политические анналы» [Там же, с. 415].

Поэтому условно «мусульманское» в анализируемых текстах воспринимается через призму политических противоречий и социально-экономических проблем. Верующие в прозе Ф. Герберта предстают как жертвы политической несправедливости и социального угнетения в мире, где «воды хватает лишь чтобы поддержать жизнь человека. Все понимают, воды немного, и если придут пить новые люди, цены подскочат, бедняки умрут» [Там же, с. 101]. Тем не менее они способны не только осознавать свой неравноправный социальный статус, но и «полны энергии и учатся на ходу, что делает их единственной надеждой человечества, его спасителями» [6, с. 25]. Осознание такой социальной несправедливости протекает в рамках традиционной и религиозной модели идентичности, системным компонентом которой является вера в пришествие нового пророка, которому приписывается миссия не только религиозного спасения верующих, но и их социального освобождения: «здесь бытует легенда, точнее пророчество, что однажды они обретут вождя, который приведет их к истинной свободе» [5, с. 156].

В подобной ситуации стремление к социальной свободе неизбежно воспринималось через призму религиозного опыта и веры, так как именно последняя становилась центральным элементом политической идеологии, несогласной с тем, что не человек, но «машины обладают большой властью, и для того чтобы нанести

им поражение, мало обычного социального или политического подъема. Люди должны сплотиться вокруг мощной идеи, которая проникла бы в самую глубину их внутренней сущности, идеи, которая пронизала бы самую суть человека. Ты должен стать не просто доверенным лицом, человеком, которому доверяют, ты должен стать ясновидящим вождем. Рабы должны подняться на великую священную войну против машин, на неостановимый джихад, который свергнет ненавистных хозяев» [3, с. 380]. Вместе с тем в научной литературе, посвященной вселенной «Дюны», отношение к джихаду не столь однозначно. Поэтому некоторыми авторами его последствия определялись как почти исключительно разрушительные и деструктивные [9, с. 15].

Таким образом, идеология религиозного фундаментализма актуализировала потенциал одновременно социального и политического недовольства, содействуя тому, что «из всех войн, какие бывали в истории человечества, джихад является самой страстной, эта война покоряет миры и цивилизации, она сметает все на своем пути!» [3, с. 380]. Поэтому угнетенные верующие склонны искать спасение в религии: «в первый день Муад' Диб ехал со своей семьей по улицам Арракиса. Многие у дороги припоминали пророчества и легенды, осмелившись прокричать “Махди”. То было не утверждение, вопрос. Тогда они могли только надеяться, что это он и есть. Он – обещанный Лисан аль Гаиб, Голос Извне» [5, с. 106].

В историографии, сфокусированной на изучении вселенной «Дюны», признается, что джихад мог играть роль того инструмента, который спасал человечество от «медленной деградации и краха» [9, с. 15]. Вера фрименов в махди практически не получает объяснения в оригинальной «Дюне», хотя критика восприняла роман «как основанный на исламе с целью подвергнуть критике идею мессианского западного человека» [19], для чего и была введена фигура Махди как новообращенного мусульманина и бывшего колонизатора, который актуализировал универсальность и легитимность религиозного протеста против инокультурного доминирования, основанного на социальной дискриминации. Подобная лакуна была

заполнена литературными наследниками ее автора, которые показали, что «в распадающейся Старой Империи люди забыли Бога, а потом стали страдать от того, что мыслящие машины взяли над ними власть. Народ Исмаила верил в свой рок, в смертельный бой в конце Вселенной, который был предсказан за много тысячелетий. Те, кто следовал буддистамской вере, бежали, уже зная наперед исход будущей безнадежной схватки» [3, с. 338].

Формально религиозному культу Махди в мире Дюны приписывалось фактически значение политического и социально-экономического освобождения, так как радикальная часть верующих настаивала на том, что «борьба не закончилась, как того обещало пророчество. Часть рода человеческого пережила владычество машинного демона, и теперь эти люди ополчились на «трусливых» последователей буддизма, пылая мстостью и желанием уничтожить этих беглецов, предавших род человеческий» [3, с. 338]. В этом контексте американская фантастика ассимилирует шиитские представления о Махди как о лидере, который «пытался установить справедливое правление и противодействовать угнетению» [2, с. 27]. Ф. Герберт, писавший в 1950-х и 1960-х гг., по утверждению современных исследователей его наследия, «представлял себе джихад не так, как мы, но в большей степени соотносил его с суфийским опытом джихада против французского, русского и английского империализма в 19 – 20 вв. Повествование демонстрирует влияние суфизма и прочтение джихада в соответствии с суфийскими нормами, где духовная трансформация лидера определяла законность его войны» [18].

В свою очередь победа социального и экологического восстания, которое прошло под религиозными лозунгами джихада, привело к институционализации уникальной политической модели, активно осуждаемой и критикуемой ее оппонентами: «вы создаете опаснейший из парадоксов. Правительство не может утверждать свою власть, будучи в то же время религиозным. Опыт религии требуют спонтанности, а ее-то и подавляют законы. Вы не можете править, не прибегая к законам.

В результате ваши законы вытесняют и мораль, и всякое самосознание, и тогда встанут на место той самой религии, прибегая к которой вы надеетесь править» [6, с. 267]. Таким образом, решение социальных, экономических и экологических вопросов теми силами, которые предпочитали интерпретировать их через призму религии, ведет к институционализации теократического режима, формально стабильного, но фактически уязвимо перед угрозой снижения религиозного фанатизма по мере решения стоящих перед джихадом задач, что «приближает день, когда ритуал вытеснит веру, а символизм заменит с собой любую мораль» [6, с. 268].

Джихад как форма религиозного радикализма во вселенной Дюны

Ф. Герберт и его наследники смогли в своих текстах предложить оригинальное восприятие и прочтение «исламского» в силу того, что они «исследовали ислам, не эссенциализируя его, не сводя их к клише, основанному на вневременной оригинальной модели, и не относя ислам к области суеверных гуманоидных пришельцев» [19]. Поэтому в классической «Дюне», которая положила начало циклу, присутствуют не имитации «мусульманского», но предпринята попытка актуализировать политически и социально значимые проблемы уммы, включая джихад. Поэтому образы джихада, редуцированные до элементов коллективной исторической памяти, в рамках которой, правда, история минимизируется до «пропаганды, замешанной на религиозном вдохновении» [4, с. 24], в прозе Ф. Герберта и его наследников представлены широко.

Джихад, как полагает Али Карджу-Равари, являлся «основополагающим термином и важной концепцией» [19] в оригинальной Дюне и текстах, написанных приемниками Ф. Герберта. В рамках такого восприятия ислама Ф. Герберт, «исследуя изменения в традициях с течением времени, не только сохранял мусульманские идеи и арабский язык в исламском контексте, но также предлагал сложные аллегории и вдумчивые рассуждения о мировой истории» [10], где ислам стал системным элементом идентичности, перенесенной на

другие планеты. Поэтому политический лозунг «Да не сотворишь машины, наделенной человеческим умом», восходящий к «временам Батлерианского Джихада» [5, с. 20], описывает состояние мемориальной культуры, основанной на сочетании как религиозного, так и социального компонента священной войны. Эта идея, высказанная наследниками Ф. Герберта в «Батлерианском джихаде», пересекается с точкой зрения на свободу, характерную для современного шиизма. В частности, иранский исследователь Хуссейн Ансарян подчеркивает, что «Бог не может игнорироваться нами в нашей жизни – иначе человек утратит свою человечность. Сущность человечности – в поклонении Всевышнему. Человек обладает внутренней склонностью к служению Аллаху. Если мы пренебрежем этой склонностью, мы разлучим человека с его человечностью» [1].

Именно последняя проблема и оказывается центральной в «Батлерианском джихаде» – романе, где религиозная война фактически становится борьбой за реставрацию человечности. Джихад воспринимается в рамках такой интерпретационной модели, которая легитимизирует его начало кризисом предшествующего социального устройства общества, так как именно оно привело к тому, что «люди пытались создать умные машины, представлявшие собой вторичные рефлекторные системы, чтобы переложить на плечи этих механических слуг принятие первичных решений. Однако постепенно создатели начали убеждаться, что оставили себе самим слишком мало ответственных дел, люди почувствовали отчуждение, осознали свою дегуманизацию. Они ощутили, что ими манипулируют. Постепенно люди сами начали превращаться в ничего не решающих роботов, не осознавая более сути своего естественного существования» [3, с. 85-86].

Такая модель культуры исторической памяти, основанная на демонизации предшествующего опыта, с которой мы сталкиваемся во вселенной «Дюны», базируется преимущественно не на политических и идеологических, но на религиозных основаниях. Нарратив о «ужасной войне против мыслящих машин, которая стала зарождением нашей политико-торговой вселенной, когда свободолюбивые люди восстали против господства роботов, компьютеров и кимеков» [3, с. 5], стал одним из системных компонентов мемориально-

го канона в мире, который предшествовал событиям, описанным в первом романе цикла. В подобной версии коллективной памяти, которая утрачивает признаки исторической, трансформируясь в направлении религиозной, именно джихад как форма осуществления и распространения веры становится содержанием исторического процесса: «Пол прозревал армии вооруженных фанатичных фрименов, которые волнам накатывали на бесчисленные звездные системы и сметавшие все на своем пути, водружавшие знамена Муад'Дибя и убивавшие всех, кто смел сопротивляться. История напишет хронику его правления черными красками» [4, с. 63].

Такое восприятие истории в романах вселенной «Дюны» возникло неслучайно, что, вероятно, указывает на знакомство как Ф. Герберта, так и его наследников с исламской философией истории, для которой характерна «забота об идеях религии и философии в большей степени, чем о реальной истории» [17]. Поэтому редукция истории до религиозно мотивированного насилия не только сконструировала оригинальную модель функционирования памяти, но и существенно ограничивала возможности трансформации мемориальной культуры. Лидер религиозной войны становится фактически заложником своей миссии, так как понимает, что «племена ждут возвращения Муад'Дибя. Ты наш! Я принадлежу своей миссии. Он подумал о джихаде. Цена будет страшной» [6, с. 51].

Наследники Ф. Герберта развили нарратив о джихаде как коллективной исторической травмы, в рамках которой история религиозной войны редуцируется до персонифицированных воспоминаний: «когда мы дрались на равнинах Арракиса, граница между добром и злом была очень четкой, мы знали, за что мы боролись с Объединенными Домами, и имели моральное право воодушевлять на битву своих бойцов, но в моем джихаде уже погибло великое множество людей... и со временем про меня скажут, что я был хуже, чем Каррино и Харконенны» [4, с. 72].

В этом культурном контексте джихад во вселенной «Дюны» универсализируется до уровня политической альтернативы, основанной на реставрации раннего ислама, так как Ф. Герберт, по мнению Х. Дуррани, «идеализировал доколониальные, незападные традиции

как модели для опосредования морали и этики. В то же время его ностальгия по доколониальным мусульманам вписывается в особую исламскую идею возвращения к ранним поколениям веры, то есть к салафизму» [11], в западном политическом воображении соотносимым именно с радикальными трендами в исламе. Вместе с тем в коллективной исторической памяти джихаду приписывается терапевтическая функция насилия «ради очищения, ради искоренения зла и спасения жизни, если бы не джихад, то погибло гораздо больше бы» [4, с. 72]. В подобной системе политических и идеологических координат культура памяти генерировала идеи нетерпимости и радикализма, так как в мемориальном пространстве одновременно развивались нарративы о том, что «Муад' Диб умеет быть милостив. Муад' Диб умеет быть снисходительным и любящим», но «все солдаты Муад' Диб знают, что надо делать с неверными» [4, с. 82].

В этом контексте американская научная фантастика ассимилировала политический дискурс исламской революции в Иране, апеллируя к словам аятоллы Хомейни о том, что, если «народом управляет несправедливый человек и угнетает людей» [2, с. 24], то восстание против такого режима – легитимно. Мемориальная культура мира, описанного наследниками Ф. Герберта, конструирует образ джихада как не только религиозного насилия, но и политической борьбы, в рамках которой следовало «воздать честь тем фрименам и солдатам Дома Атрейдесов, которые пали на Барьере в городе, но спасли нас от тирании. Узнайте правду из уст Муад' Диб. Мы выиграли первые сражения джихада, но впереди у нас еще много битв. Священная война постепенно становилась живым организмом, живущим по своим законам» [4, с. 73]. Поэтому джихад в такой культурной памяти актуализировал свои функции, направленные на конструирование нового общества и, как следствие, легитимации его идентичности: «сам джихад представлялся ему высоким горным хребтом, перегородившим дорогу его жизни – опасным и грозным препятствием, которое он не мог обойти. Не важно, какой путь он выберет, но, прежде чем человечество под водительством Пола достигнет Земли обетованной его, человечество, ждут тяжкие и неизбежные жертвы» [4, с. 91].

Джихад как историческое явление в романах цикла описан в ориенталистской перспективе, представляя видение политика, сознательно принявшего роль Махди, хотя изначально он не был членом того общества, которое в результате его деятельности подверглось радикальным изменениям. Использование именно этого образа, по мнению Х. Дуррани, было попыткой Ф. Герберта «укрепить исламскую идею святости божественного откровения и окончательности пророчества Мухаммеда» [11]. Если Батлерианский джихад был в определенной степени протестом против крайностей прогресса, в рамках которого «мыслящая машина воспринималась как злой дух, вырвавшийся из бутылки» [3, с. 14], и технического развития, так как «власть компьютеров распространялась по Вселенной со скоростью особо опасной инфекции. Всемирный разум захватил неограниченную власть над Галактикой. Приняв имя Омниуса, вселенский разум овладел всеми планетами титанов, прежде чем они смогли предупредить друг друга о грозившей опасности» [Там же, с. 7], то джихад Муад'Дибя решал содержательно другие задачи. Поэтому религиозное насилие легитимируется как форма освобождения от «машин, которым мы предали техническое знание, не вложив в них соответствующую систему ценностей» [Там же, с. 118].

Сторонники и участники джихада, описанного наследниками Ф. Герберта, связывали его начало с угрозой существованию человечества со стороны искусственного интеллекта. Поэтому легитимация джихада основана на антитехническом нарративе и кризисе веры в прогресс и науку: «относительно науки существует одно распространенное заблуждение, вера в то, что чем больше мы развиваем технику и чем больше узнаем, тем лучше становится наша жизнь» [Там же, с. 145]. Оправдание религиозного насилия стало попыткой ответить на вопрос методами насилия, направленного на недопущение превращения «тела человека в простую машину, которую может скопировать машина, сделанная руками человека» [Там же, с. 159].

Поэтому в «Батлерианском джихаде» образ джихада конструируется как «правое дело», направленное на борьбу со «злом – мыслящими машинами – которые должны пасть» [Там же, с. 756]. В такой

ситуации новый религиозный политический режим представителями отстраненных от власти элит воспринимается исключительно негативно, а новые законы определяются как «составленные в терминах какой-то пародийной религии, возникшей вокруг Муад' Диб» [4, с. 54], режиму которого отказывают в легитимности, так как «тиран Муад' Диб и его фанатики попирают законы дипломатии и правила приличия» [Там же, с. 56]. Изначальная чуждость будущего религиозного лидера относительно его армии в социальных реалиях Арракиса превращается в условность, так как для верующих более важным фактором является не принадлежность к сообществу по факту рождения, но идеологическая компонента, так как «потом явился Атрейдес, наш Муад' Диб, наш Махди. Он призвал нас к джихаду» [6, с. 67].

Подобная идентичность сторонников Махди вела к тому, что их политическая репутация ассоциировалась исключительно с религиозно мотивированным насилием, так как «пустынные воины умели сражаться и разрушать, но не имели ни малейшего понятия о том, как управлять и восстанавливать» [4, с. 80]. В этой ситуации движение Муад' Диб и установленный им режим фактически были реакцией традиционалистов и фундаменталистов на вызов секуляризма, основанного на «встраивании религии, как института, в мировую систему, при котором религия теряет свою сущность как средство спасения» [7]. Что касается политического проекта как религиозного протестного движения, описанного в романах цикла «Дюна», то они, наоборот, институционализировали альтернативу светской и технократической модели спасения, утверждая, что последнее возможно только на религиозной основе. Такой фундаментализм стимулировался особым типом политической культуры, построенной вокруг религии и образ пророка, которому приписывалась особая роль. Поэтому «самые ярые сторонники Пола были не способны думать. единственным объяснением их действий было: “Так угодно Муад' Дибу”» [4, с. 81].

В романах цикла джихад не только фактор политических трансформаций, так как, «столкнувшись с религиозными фанатиками, некоторые правители, предпочтут сдаться, не пытаясь противостоять дикому стихийному напору» [Там же, с. 11], он становится актуаль-

ной политической, социальной и экономической формой существования общества фрименов и решениях тех проблем, с которыми они сталкивались: «и как же в когортах фрименов относится теперь к джихаду? Может быть им не нравится, что из императора делают Бога? Большинству все равно. В основном они думают о джихаде так же, как я сам когда-то относился к нему. Муад' Диб дал им испытать неизведанное, неожиданное, подарил богатство» [6, с. 65]. Подобное восприятие политической реальности, интерпретируемой через призму религиозного видения, было основано на преданности махди и уверенности воинов джихада в том, что «мы будем сражаться за Муад' Дибом везде, куда приведут нас пути джихада» [4, с. 24].

Джихад, с одной стороны, в мире Дюны привел к возрастанию роли религии в обществе, так как «там, где проходит Муад' Диб, ничто не останется прежним» [Там же, с. 49], запустив и реанимировав социальный и культурный институт хаджа: «внизу по площади лентой тянулись паломники в черно-зеленых одеяния хаджа. Паломники! Их благочестивые странствия давали империи прискорбно нечистый барыш. Хадж наполнял корабли странниками, и они все шли, шли и шли» [6, с. 87]. Хадж, как один из системных институтов нового общества, создаваемого Муад' Дибом, содействовал изменению статус Дюны в направлении его повышения, так как планета становилась «центром обновленной вселенной. Сюда будут являться миллионы и миллионы совершающих Хадж», а из ее столицы, Арракина, «новой цитадели Муад' Дибом, свет новой веры и жизни зальет галактику» [4, с. 91-92].

Поэтому форма ислама, которую практикуют обитатели мира, описанного Ф. Гербертом и его наследниками, легитимировал роль религии как фактора «разрушения великих империй, подтачивая их изнутри» [3, с. 195]. Успехи джихада Муад' Дибом, понимавшего, что для победы в нем «следовало заложить основы нового устойчивого правления» [4, с. 64], стимулировали политические и экономические трансформации, так как, «взойдя на императорский престол, Пол первым делом увеличил налоги и пошлины для всех планет, которые не признали сразу его верховенство, и многие планеты изъявили ему свою покорность, пусть даже из чисто экономических со-

ображений. Пол был убежден в том, что такое финансовое принуждение поможет сохранить множество жизней и позволит избежать ненужного кровопролития» [4, с. 33]. Генезис и истоки подобных нарративов, описывающих «исламское» правление, в американской научно-фантастической литературе разнообразны.

Поэтому не представляется возможным исключать знакомство авторов цикла с идеями лидерами иранского политического ислама, продвигавшими идеи «верные исламу, Корану и революции, переживающие в сердце за страну и народ... каждый из них имеет свой проект и мнение для развития ислама и служения мусульманам, которые, по их мнению, ведут к спасению» [8]. Последнее в текстах, формирующих цикл «Дюна», описывалось почти исключительно в религиозной системе координат. Подобная политика в обществе, описанном наследниками Ф. Герберта, не столкнулась с организованным сопротивлением, так как «правоверные фримены не могли допустить даже мысли о том, что их непогрешимый Муад'Диб мог в чем-то ошибаться» [4, с. 114].

С другой стороны, джихад унифицировал мир, точнее – представления о нем: «такой вещи, как “свободное пространство”, не существует. Муад'Диб правит повсюду... но я же направляюсь не на Арракис... Все направляются на Арракис» [6, с. 109]. В рамках такого радикально обновленного политического пространства возникли благоприятные условия для религиозного насилия и террора, так как «воины Муад'Диб плохо знали историю империи, не посещали музеи и не изучали памятники легендарным личностям империи» [4, с. 24]. В политических реалиях нового общества, основанного на доминировании религиозной доктрины, вопрос «Почему я подался в джихад?» постепенно утрачивает свое значение, а спектр возможных ответов сводится к стремлению изменить раннюю модель развития фрименов, зависящую от географических и экологических факторов: «я слышал, что есть такая штука, которую зовут морем. В него трудно поверить, если прожил всю жизнь здесь среди дюн. У нас нет морей» [6, с. 67].

Именно поэтому, имитируя историческую наррацию, Ф. Герберт констатировал, что «время правления Муад'Диб породило куда больше историков, чем любая другая эра в истории челове-

чества. Некоторые из них противились иступленному сектантству, но нельзя отрицать, что этот человек пробудил религиозное кипение на многих мирах» [6, с. 9]. Джихад, с одной стороны, в ранних текстах цикла в значительной степени персонифицирован, будучи связан с его лидером, который сам себя определяет как «театр, где разыгрывается будущее, и еще жертву точных пророчеств, сознания расы и собственного ужасного предназначения» [5, с. 540]. С другой, джихад и связанные с ними политические институты воспринимается как фактор конструирования социальной реальности, так как «Квизарат Муад' Дибба раздул пламя религиозной войны на всю Вселенную... джихад полыхал целых двенадцать лет, по истечении их фанатики Муад' Дибба покорили его власти чуть ли не все человечество» [6, с. 11]. В этом контексте проза Ф. Херберта предлагала относительно позитивный и в определенной степени идеализированный образ джихада, актуализируя преимущественно социальную и освободительную компоненту радикального ислама.

Выводы

Многие процессы, которые протекают в романах, мы можем интерпретировать в категориях, формирующих процессуальное и событийное измерение истории ислама, что в первую очередь относится к образу джихада. Анализируя последнее, во внимание следует принимать то, что Ф. Герберт и его наследники предложили расширенное понимание джихада. Если в традиционном исламе выделяется джихад, направленный на борьбу против собственных внутренних пороков, и джихад как форма распространение ислама, то в романах цикла «Дюна» джихад фигурирует как социально-освободительное движение, активно оперирующее политическими и экономическими лозунгами. Кроме того, джихаду приписывается роль общей эмансипации человечества от засилья искусственного интеллекта, что свидетельствует о значительном антимодернистском потенциале используемых исламских образов в американской научной фантастике.

Поэтому именно верующие мусульмане будущего формально становятся основной движущей силой массового протеста, направ-

ленного на освобождение людей, которые стали рабами чрезвычайно развитого искусственного интеллекта. В этом контексте ислам предстает не только как традиционалистская религия, но и как форма освобождения человечества и восстановления смысла исторического процесса, освобожденного от механизации и, как результат, подвергнутого гуманизации и антропологизации через переосмысление истории в религиозно-центричной системе координат.

Список литературы

1. Ансарян Х. Свобода с точки зрения Ислама. URL.: <https://www.erfan.ir/ru/81758.html> (дата обращения: 30.12.2022)
2. Восстание Ашурь в выступлениях и посланиях имама Хомейни. М.: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini's Works, 2009. 104 с.
3. Герберт Б., Андерсон К. Дюна. Батлерианский джихад / пер. с англ. А. Анваера. М.: АСТ, 2022. 768 с.
4. Герберт Б., Андерсон К. Дюна. Пол / пер. с англ. А. Анваера. М.: АСТ, 2022. 576 с.
5. Герберт Ф. Дюна / пер. с англ. Ю. Соколова. М.: Издательство АСТ, 2022. 800 с.
6. Герберт Ф. Мессия Дюны / пер. с англ. Ю. Соколова. М.: АСТ, 2022. 352 с.
7. Джемаль Г. Политический ислам и проблема легитимности в современном мире. Выступление Председателя Исламского комитета России на сессии 24-го Международного конгресса исламских обществ (30 ноября 2015 г.). URL.: <http://www.kontrudar.com/lekci/politicheskiy-islam-i-problema-legitimnosti-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 30.12.2022)
8. Имам Хомейни. Хартия Братства. URL.: <https://iran1979.ru/xartiya-bratstva-imama-homejni/> (дата обращения: 30.12.2022)
9. Николас Дж. Дюна. Философия и путь ментата. М.: АСТ, 2021. 352 с.
10. Durrani H. Frank Herbert, the Republican Salafist // New Lines Magazine. 2021, December 31. URL.: <https://newlinesmag.com/review/dune-frank-herbert-the-republican-salafist/> (дата обращения: 30.12.2022)

11. Durrani H. The Muslimness of Dune: A Close Reading of “Appendix II: The Religion of Dune” // *Tor*. 2021, October 18. URL.: <https://www.tor.com/2021/10/18/the-muslimness-of-dune-a-close-reading-of-appendix-ii-the-religion-of-dune/> (дата обращения: 30.12.2022)
12. El-Din Aysha E. Science Fiction by, about, and for Arabs: Case Studies in De-Orientalising the Western Imagination // *ReOrient*. 2020, vol. 6, no 1, pp. 4-19. DOI: <http://doi.org/10.13169/reorient.6.1.0004>
13. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Butlerian Jihad*. NY.: Tor Books, 2002, 624 p.
14. Herbert Br., Anderson K.J. *Paul of Dune*. NY.: Tor Books, 2008. 512 p.
15. Herbert Fr. *Dune Messiah*. NY.: Putnam Publishing, 1969. 256 p.
16. Herbert Fr. *Dune*. NY.: Chilton Books, 1965. 412 p.
17. Hisham Jeyt. Aqif samtaan ‘amam sual mustaqbal al-earab // *Al Araby al-Jadeed*. 2021, June 2. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/hsham-jeyt-aqf-samtaan-amam-swal-mstqbl-alerb> (дата обращения: 30.12.2022)
18. Karjoo-Ravary A. In Dune, Paul Atreides led a jihad, not a crusade // *Al Jazeera*. 2020, October 11. URL.: <https://www.aljazeera.com/opinions/2020/10/11/paul-atreides-led-a-jihad-not-a-crusade-heres-why-that-matters> (дата обращения: 30.12.2022)
19. Karjoo-Ravary A. Is Dune a White Savior Narrative? // *Slate*. 2021, October 26. URL.: <https://slate.com/culture/2021/10/dune-2021-movie-vs-book-white-savior-islam.html> (дата обращения: 30.12.2022)

References

1. Ansaryan K. *Svoboda s tochki zreniya Islama* [Freedom from the point of view of Islam]. URL.: <https://www.erfan.ir/ru/81758.html> (accessed December 30, 2022)
2. *Vosstaniye Ashury v vystupleniyakh i poslaniyakh imama Khomeyni* [Ashura uprising in speeches and messages of Imam Khomeini]. Moscow: The Institute for Compilation and Publication of Imam Khomeini’s Works, 2009, 104 p.
3. Gerbert B., Anderson K. *Dyuna. Batlerianskiy dzhikhad* [Dune. Butlerian Jihad]. Moscow: AST Publ., 2022, 768 p.

4. Gerbert B., Anderson K. *Dyuna. Pol* [Dune. Paul]. Moscow: AST Publ., 2022, 576 p.
5. Gerbert F. *Dyuna* [Dune]. Moscow: AST Publ., 2022, 800 p.
6. Gerbert F. *Messiya Dyuny* [Dune Messiah]. Moscow: AST Publ., 2022, 352 p.
7. Dzhemal' G. *Politicheskiy islam i problema legitimnosti v sovremennom mire. Vystupleniye Predsedatelya Islamskogo komiteta Rossii na sessii 24-go Mezhdunarodnogo kongressa islamskikh soobshchestv (30 noyabrya 2015 g.)* [Political Islam and the problem of legitimacy in the modern world. Speech by the Chairman of the Islamic Committee of Russia at the session of the 24th International Congress of Islamic Communities (November 30, 2015)]. URL.: <http://www.kontrudar.com/lekcii/politicheskiy-islam-i-problema-legitimnosti-v-sovremennom-mire> (accessed December 30, 2022)
8. Imam Khomeyni. *Khartiya Bratstva* [Charter of the Brotherhood]. URL.: <https://iran1979.ru/xartiya-bratstva-imama-xomejni/> (accessed December 30, 2022)
9. Nikolas Dzh. *Dyuna. Filosofiya i put' mentata* [Dune. Philosophy and the path of the mentat]. Moscow: AST Publ., 2021, 352 p.
10. Durrani H. Frank Herbert, the Republican Salafist. *New Lines Magazine*, 2021, December 31. URL.: <https://newlinesmag.com/review/dune-frank-herbert-the-republican-salafist/> (accessed December 30, 2022)
11. Durrani H. The Muslimness of Dune: A Close Reading of "Appendix II: The Religion of Dune". *Tor*, 2021, October 18. URL.: <https://www.tor.com/2021/10/18/the-muslimness-of-dune-a-close-reading-of-appendix-ii-the-religion-of-dune/> (accessed December 30, 2022)
12. El-Din Aysha E. Science Fiction by, about, and for Arabs: Case Studies in De-Orientalising the Western Imagination. *ReOrient*, 2020, vol. 6, no 1, pp. 4-19. DOI: <http://doi.org/10.13169/reorient.6.1.0004>
13. Herbert Br., Anderson K.J. *Dune: The Butlerian Jihad*. NY.: Tor Books, 2002, 624 p.
14. Herbert Br., Anderson K.J. *Paul of Dune*. NY.: Tor Books, 2008, 512 p.
15. Herbert Fr. *Dune Messiah*. NY.: Putnam Publishing, 1969, 256 p.
16. Herbert Fr. *Dune*. NY.: Chilton Books, 1965, 412 p.

17. Hisham Jeyt. Aqif samtaan ‘amam sual mustaqbal al-earab. *Al Araby al-Jadeed*, 2021, June 2. URL.: <https://www.alaraby.co.uk/culture/hsham-jeyt-aqf-samtaan-amam-swal-mstqbl-alerb> (accessed December 30, 2022)
18. Karjoo-Ravary A. In Dune, Paul Atreides led a jihad, not a crusade. *Al Jazeera*, 2020, October 11. URL.: <https://www.aljazeera.com/opinions/2020/10/11/paul-atreides-led-a-jihad-not-a-crusade-heres-why-that-matters> (accessed December 30, 2022)
19. Karjoo-Ravary A. Is Dune a White Savior Narrative? *Slate*, 2021, October 26. URL.: <https://slate.com/culture/2021/10/dune-2021-movie-vs-book-white-savior-islam.html> (accessed December 30, 2022)

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент
Кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, Факультет международных отношений; доцент Кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Исторический факультет *ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»*
ул. Пушкинская 16, г. Воронеж, 394000, Российская Федерация
maksymkyrchanoff@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff, DrSci in History, Associate Professor, Department of Regional Studies and Foreign Countries Economies, Faculty of International Relations; Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, History Faculty
Voronezh State University
16, Pushkinskaya Str., Voronezh, 394000, Russian Federation
maksymkyrchanoff@gmail.com
SPIN-code: 6547-1027
ORCID: <https://orcid.org/0000-00033819-3103>

Поступила 10.01.2023

После рецензирования 24.01.2023

Принята 30.01.2023

Received 10.01.2023

Revised 24.01.2023

Accepted 30.01.2023